

Есть ли место для будущего в современном режиме историчности?

Мария Касай (р. 1997) – выпускница программы «Политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка).

Тезис о переходе современного общества к новому, принципиально отличному от модерного, темпоральному режиму стал общим местом в теории истории последних десятилетий. Историзм, подразумевающий выстраивание линейных нарративов о непрерывном и неизбежном движении от прошлого через настоящее к будущему, подвергался критике на протяжении всего XX века и теперь окончательно перестал считаться надежным инструментом в объяснении текущего исторического состояния. На смену преобладавшему в европейском – и шире – западном историческом мышлении эпохи модерна¹ прогрессистскому видению будущего пришло представление о настоящем как доминирующей темпоральности. Франсуа Артог концептуализирует это новое состояние в понятии «презентизм» и описывает его как поглощение настоящим прошлого и будущего – последние оказываются подчинены текущим, зачастую сиюминутным требованиям времени «здесь и сейчас»². Подобный артоговскому диагноз современности ставит и Ханс Ульрих Гумбрехт, характеризуя ее как «тягучую инертно-серую среду широкого настоящего»³. Приводя все больше подтверждений всепоглощающего характера настоящего в культуре, исторических событиях и практиках современности, Артог, Гумбрехт и их последователи фактически провозглашают невозможность выйти за его пределы и помыслить будущее открытым.

Предлагаемая статья – это попытка поставить под вопрос такое восприятие современной темпоральности, в котором будущее возможно исключительно как продолжение настоящего, текущего порядка вещей. Представленный ниже критический разбор презентизма будет опираться, во-первых, на берущую свое начало в работах немецкого философа Эрнста Блоха концептуализацию исторического настоящего в качестве гетерогенной структуры «современности несовременного», а во-вто-

- 1 KOSELLECK R. *The Eighteenth Century as the Beginning of Modernity // The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2011. P. 154–169.
- 2 HARTOG F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time (European Perspectives)*. New York: Columbia University Press, 2017.
- 3 ГУМБРЕХТ Х.У. *После 1945. Латентность как источник настоящего*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 280.

рых, на концепции открытого будущего того же Блоха и другого важного для теории истории немецкого философа первой половины XX века – Вальтера Беньямина. Я постараюсь показать, что их концепции «будущего-утопии» и «будущего-катастрофы» выявляют важное упущение, которое допускает Артог, когда редуцирует «современный режим историчности» к господству «тирании настоящего», тем самым игнорируя освободительный потенциал, заложенный в самой природе времени.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

ДОМИНИРУЮЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ В СОВРЕМЕННОМ РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ

Начиная с Артога критики презентизма достаточно убедительно показывают, как история все чаще начинает мыслиться инструментально – в качестве способа пересмотра прошлого в соответствии с целями настоящего. Память, как показывает Артог, теперь участвует в производстве настоящего и определяет социальную и культурную политику. Трепетное отношение к памяти, например, находит воплощение в мемориальных законах, программах сохранения культурного наследия или повсеместной музеефикации артефактов прошлого. Однако Артог предлагает рассматривать эти и другие признаки «презентистского настоящего» не самостоятельно – как вполне независимые от порядка времени практики артикуляции темпоральных переживаний⁴, – но скорее как совокупность неотъемлемых характеристик конкретной эпохи.

Когда Артог называет новое состояние исторического сознания «презентизмом», он стремится представить современность отрезком времени, следующим за современной темпоральностью. Однако такой ход противоречит использованию предложенной им же концепции режимов историчности как эвристического инструмента – способа артикуляции взаимной связи прошлого, настоящего и будущего, которые сосуществуют в историческом восприятии, образуя неустойчивое равновесие⁵. Артог признает наличие разрывов во времени, дестабилизирующих

4 О других подходах к презентизму, которые не обязательно предполагают постоянное поддержание уже сложившегося порядка вещей, см.: ARMITAGE D. *In Defence of Presentism* // МСМАНОН D.M. (Ed.). *History and Human Flourishing*. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 44–69; Олейников А. *Другой презентизм* (<https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm>).

5 На несоответствие друг другу некоторых выводов Артога о «современном режиме историчности» точно указывает нидерландский теоретик истории Крис Лоренц, когда выделяет у Артога две несовместимые версии презентизма. Первая, «презентизм-1», исследуется Артогом как отрезок времени, пришедший на смену современному режиму и характеризующийся всепоглощающим характером настоящего. Вторая, «презентизм-2», подразумевает, что доминирующие порядки времени не сменяют один другого линейно, но сосуществуют друг с другом в различных конфигурациях и могут «активироваться в зависимости от событий и обстоятельств» (ЛОРЕНЦ К. *Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога* // Логос. 2021. № 4. 2021. С. 47–53).

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

это равновесие и трансформирующих режим историчности⁶, но не уделяет должного внимания их несовместимости с линейным представлением о времени: разрывы – конкретные исторические события или же радикальные, но растянутые во времени социальные, политические и культурные изменения – активируют ту или иную историческую темпоральность, а не знаменуют собой ее завершение или начало.

Приводя все больше подтверждений всепоглощающего характера настоящего в культуре, исторических событиях и практиках современности, Артог, Гумбрехт и их последователи фактически провозглашают невозможность выйти за его пределы и помыслить будущее открытым.

Вследствие внутренней противоречивости теории Артога там сложно найти надежное объяснение, почему настоящее предстает в современном сознании как непреодолимое. При этом предложенная им теоретическая концепция режимов историчности позволяет политизировать этот вопрос и искать причины доминирования настоящего в социокультурных условиях. Так, внешним фактором, сопровождающим активацию новой темпоральности, можно считать приход «нового духа капитализма», описанного французскими социологами Люком Болтански и Эв Кьяпелло⁷. Возрастающая роль настоящего представляется результатом капиталистического стремления к прибыли все более эффективными, а значит, и все более быстрыми способами. Глобализация экономики сделала это стремление едва ли не повсеместным. Прогрессизм, не связанный более с претендующими на универсальность утопическими проектами и качественно иным будущим, тем не менее остался частью темпоральной логики неолиберального капитализма. Правда, как отмечает французский историк и анархистский мыслитель Жером Баше, он свернулся до экономической экспансии и надежды на технологии⁸. Непрерывное развитие последних оказывается обусловлено увеличением объемов потребления и его доступности либо поиском защиты от артикулированных и неартикулированных угроз будущего. В результате выход за

6 Временным разрывом, знаменовавшим переход к «современному режиму историчности», Артог называет падение Берлинской стены: HARTOG F. *Op. cit.* P. 105.

7 Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

8 BASCHET J. *Reopening the Future: Emerging Worlds and Novel Historical Futures // History and Theory*. 2022. Vol. 61. № 2. P. 186.

рамки настоящего представляется затруднительным, так как предполагает переход в иное, не колонизированное «новым духом капитализма» состояние. Артог же не рассматривает даже возможность такого состояния. Как следствие, он и его сторонники склонны редуцировать современность к «тирании настоящего», растянутому существованию уже известного и привычного⁹.

Если же принять подвижный и мультитемпоральный характер самой структуры режима историчности, как предлагает сделать Крис Лоренц, то доминирование настоящего представляется не диагнозом современности, но лишь одним из ее «симптомов» – характеристикой расширения того, что философ Фредерик Джеймисон называет «гомогенным процессом капитализма». Настоящее в рамках текущих условий оказывается не единственно возможным, но самым доступным – оно не исключает возможности помыслить прошлое и будущее, но все чаще скрывает их. И критики презентизма сами вносят вклад в «расширение» настоящего, когда интерпретируют новый темпоральный режим как достаточно однородный и не предлагают никакой альтернативы текущему положению дел. Ключевым же вопросом на пути преодоления «кризиса будущего», провозглашенного еще раньше Артога Кшиштофом Помяном¹⁰, становится не отсутствие самого по себе будущего как самостоятельной темпоральной категории, но возможность выхода за рамки гомогенизирующего настоящего. Артог, как и Гумбрехт, оставляют его без внимания: будущее у них оказывается закрыто.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

РАСШИРЯЯ КОНЦЕПЦИЮ РЕЖИМОВ ИСТОРИЧНОСТИ: МУЛЬТИТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В РАБОТАХ ЭРНСТА БЛОХА И ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА

Различение современности и настоящего

Поиски открытого будущего оказываются непременно связаны с исследованием мультитемпоральности режимов историчности. Именно поэтому необходимо вернуться к теоретическому наследию Блоха и Беньямина, предложившим в свое время нетривиальные аргументы в пользу гетерогенной природы времени и сделавшим политическую ставку на освободительный потенциал такой природы.

9 См.: ASSMANN A. *Is Time Out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime*. New York: Cornell University Press, 2020; ROSA H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press, 2017.

10 POMIAN K. *La crise de l'avenir* // *Le Débat*. 1980. Vol. 7. № 7. P. 5.

Стоит отметить, что и Блох, и Беньямин обращаются к проблематике исторического времени в попытках понять, как оказался возможен приход НСДАП к власти в Германии. Блох в книге «Наследие нашего времени» исследует рассинхронизированные темпоральности, сопричастовавшие в немецком обществе в межвоенный период, и приходит к выводу: восприятие времени обедневшего после Первой мировой войны крестьянства и мелкой буржуазии оказывается несовременным прогрессистской темпоральности пролетариата, диктуемой развитием капиталистического производства¹¹. Возникающее несоответствие и напряжение Блох рассматривает как источник противоречия, которое, однако, было проигнорировано левыми политическими движениями и которым в результате воспользовались национал-социалисты. Для объяснения сложного переплетения времен философ вводит концепт *Ungleichzeitigkeit des Gleichzeitigen*, «современность несовременного», или «одновременность неодновременного»¹². Эта формула подразумевает различие современности и настоящего: первая не равна второму, в одном «теперь» сопричастуют несовременные друг другу социально и культурно обусловленные темпоральности. В результате между ними возникают расхождения, которые проявляются в моменты напряжения и могут быть артикулированы в претензиях к настоящему.

Позже Беньямин в тексте «О понятии истории» формулирует созвучное концепции Блоха обоснование торжества национал-социалистов¹³. По мысли Беньямина, восприятие истории как последовательного движения прогресса вступает в противоречие с нелинейной темпоральностью угнетенного класса, чье прошлое всегда под угрозой уничтожения. Состояние темпорального разрыва, в котором это противоречие становится видимым, Беньямин называет «актуальным настоящим», *Jetztzeit*. В нем же открывается возможность спасти прошлое от забвения: оказать сопротивление настоящему – чем, по мнению Беньямина, не воспользовались социал-демократы в 1933 году.

Подобно концепции «современности несовременного» Блоха, «актуальное настоящее» обнаруживает гетерогенное и многослойное время как подвижную темпоральную констелляцию, открывая возможность разглядеть постоянно возникающие между сопричастующими темпоральностями противоречия. Именно в разрешении этих противоречий освобождается от-

11 Блосн Е. *The Heritage of Our Times*. Cambridge: Polity, 2009. P. 56–80.

12 Сам Блох при этом заимствует это понятие, родившееся в немецкой среде теории искусства в контексте развития немецкого экспрессионизма. Впервые понятие *Ungleichzeitigkeit des Gleichzeitigen* было использовано Вильгельмом Пиндером, немецким историком и теоретиком искусства, в книге «Проблема поколения в истории европейского искусства» в 1926 году. См.: SCHWARTZ F.J. *Ernst Bloch and Wilhelm Pinder: Out of Sync* // Grey Room. 2001. Vol. 3. P. 61.

13 Беньямин В. *О понятии истории* // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

крытое будущее. Для Беньямина единственно возможным источником таких противоречий является столкновение несовместимых представлений о прошлом: те, кто не соглашается с необходимостью текущего порядка вещей, могут представить прошлое лишь как мимолетный образ, набор невыполненных обещаний или незавершенную борьбу предшествующих поколений за свободу¹⁴. Блох называет такое прошлое «объективно несовременным противоречием» и предлагает отличать его от «субъективно несовременного» – поверхностного представления о проблемах общества. «Субъективно несовременными противоречиями» следует, к примеру, считать «ложные» интерпретации темпоральности, не включающие текущие социокультурные условия в описание настоящего. Блох видит в таких противоречиях опасность, так как они перформативны и способны трансформировать саму структуру времен, замещая актуальные претензии к настоящему. Однако это не приводит к исключению «объективных» напряжений – они становятся менее видимыми, но продолжают присутствовать в «современности несовременного».

Проводимое Блохом и Беньямином различие между современностью и настоящим не позволяет редуцировать текущую историческую темпоральность к «тирании настоящего». Наоборот, они предлагают такие концепции, в которых потенциал к сопротивлению настоящему является неотъемлемым свойством самой структуры времени. Настоящее мыслится как необходимое и безальтернативное исключительно ретроспективно. Если следовать за Блохом и Беньямином, то современность надлежит представлять как фикцию – в последнее десятилетие так делают, к примеру, Питер Осборн¹⁵ или Бербер Бевернаж, призывающий политизировать время, отказаться от идеи полностью «современного настоящего» и заменить ее концепцией «радикальной не-современности»¹⁶.

Контингентное время Эрнста Блоха

Теоретики истории последних десятилетий часто заняты исследованием контингентности. И в работах Блоха они могут найти такую модель контингентной истории, которая позволяет помыслить будущее утопически, что открывает, как кажется, любопытное направление в изучении исторического

14 Теоретическую модель такой нелинейной связи прошлого и настоящего можно найти в: МАРКС К. *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*. М.: АСТ, 2021.

15 OSBORNE P. *Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art*. London: Verso, 2013. P. 15–36.

16 БЕВЕРНАЖ Б. Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханесса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 174–202.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

времени. Блох еще в ранних работах заимствует у Фридриха Ницше представление об истории как о наборе случайных событий и процессов¹⁷, а затем последовательно выстраивает на основании такого представления собственную теорию спекулятивного материализма¹⁸.

Британский историк и исследователь наследия Блоха Питер Томпсон отмечает, что для Блоха ключевым вопросом является не только осознание, но и принятие контингентного характера истории¹⁹. Понимание того, что действие или событие в настоящем может иметь бесчисленное количество последствий под влиянием множества факторов, по мысли философа, не должно разочаровывать нас. Наоборот, это позволяет помыслить в качестве реального то, что в условиях современности кажется невозможным. Чтобы раскрыть потенциал контингентности времени, Блох критикует существующие философские концепции реальности и предлагает взамен то, что называет «открытой системой»: в ней реальное не ограничивается тем, что возможно наблюдать в настоящем, но включает и потенциально возможное – еще-не-случившееся и даже еще-не-артикулированное реальное.

Концепцию «открытой системы» Блох раскрывает, используя аристотелианское понятие материального, согласно которому в материи скрыто неуправляемое множество возможностей. Блох определяет материю «не только как меру и носитель условий, при которых нечто может быть возможным, но в большей степени как субстрат объективно-реального возможного»²⁰. В таком подходе материальная действительность оказывается не данностью, которой необходимо сопротивляться извне, но началом любого движения в сторону будущего – она содержит в себе диалектический потенциал, который Блох описывает в аристотелевских терминах *kata to dynaton* (по-возможности-сущее) и *dynátei on* (в-возможности-сущее). *Kata to dynaton* описывает материю как границу, предел возможностей: любое действие, как и любая мысль, ограничивается внешними условиями. *Dynátei on* представляет собой такое свойство материи, в котором возможности выходят за установленные ей рамки – это подлинно новые возможности, которые вступают в противоречие с *kata to dynaton* и в случае реализации трансформируют его. Таким образом, для Блоха диалектическое напряжение

17 БЛОХ Е. *The Spirit of Utopia*. Stanford: Stanford University Press, 2009. Подробнее о влиянии Ницше на Блоха см.: ТНОМПСОН Р. *Ernst Bloch, "Ungleichzeitigkeit", and the Philosophy of Being and Time* // *New German Critique*. 2015. Vol. 42. № 2. P. 49–64.

18 БЛОХ Е. *The Principle of Hope*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

19 ТНОМПСОН Р. *Ernst Bloch, "Ungleichzeitigkeit", and the Philosophy of Being and Time*. P. 53–60.

20 МОИР С. *The Education of Hope: On the Dialectical Potential of Speculative Materialism* // ТНОМПСОН Р., ŽIŽEK S. (Eds.). *The Privatization of Hope: Ernst Bloch and the Future of Utopia*. Durham: Duke University Press, 2013. P. 121.

появляется уже в границах материального. Материя контингентна, так как в ней содержится потенция стать множеством разнообразных вещей, которая актуализируется в момент темпорального разрыва – *Augenblick*, – когда в-возможности-сущее становится различимым. Материальное одновременно ограничивает и открывает возможности будущего: любое изменение, любой шаг в его сторону уже присутствуют в материальной действительности как потенция.

Блох использует теоретическую модель движения от по-возможности-сущего к в-возможности-сущему, чтобы объяснить устройство исторического процесса. Историю Блох мыслит в качестве диалектического взаимодействия между темпоральными состояниями «не», «еще-не» и «ничто/все». «Не» указывает на недостаток и, следовательно, является источником желания иного (того, что отсутствует в настоящем). «Ничто/все» фиксирует латентное состояние такого желания – оно не отсутствует, но скрыто под другими, поверхностными желаниями, укорененными в настоящем. «Еще-не», одна из центральных блохианских концепций, означает само движение от желания к исполнению – от «не» к «еще-не-бытию». Это движение нелинейно и мыслится Блохом как процесс становления истории, каждый этап которого является результатом разрешений конкретных противоречий между желанием («не») и возможностями в различных частях целого – в пересечениях множественных темпоральностей структуры «современности несовременного». Так как возможности сами по себе тоже находятся в постоянном процессе диалектического движения между *kata to dynaton* и *dynámei on* и потенциально неограниченны, то напряжение между желанием и возможностями всегда является потенциально разрешимым – открытое будущее постоянно присутствует в настоящем в качестве потенциально возможного. Внешние условия – собственно настоящее – в каждый момент времени можно представить как результат «отрицания отрицания» – диалектического взаимодействия между контингентностью и необходимостью²¹.

Предлагая такой спекулятивно-материалистический подход к истории, Блох представляет всю многослойную систему «современности несовременного» чрезвычайно подвижной. В ней постоянно открывается неограниченное количество возможностей сопротивления настоящему. Блох, в отличие от Беньямина, находит такие возможности не только в незавершенном прошлом, но в любых напряжениях темпоральной структуры. При этом он выстраивает достаточно сильную концепцию будущего и наделяет его наибольшим эмансипаторным потенциалом.

21 Данный вывод повторяет комментарий Питера Томпсона к философии утопической надежды Блоха, см.: THOMPSON P. *Religion, Utopia, and the Metaphysics of Contingency* // THOMPSON P., ŽIŽEK S. (Eds.). *Op. cit.* P. 90.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

«Будущее-утопия» Блоха и «Будущее-катастрофа» Беньямина

Блох и Беньямин выстраивают концепции будущего, которое открывается в сопротивлении настоящему. Но если в центре внимания Беньямина оказывается стремление предотвратить катастрофу – искупить незавершенное прошлое, – то Блох концептуализирует а-идеологическую и не-телеологическую утопическую надежду.

Утопическое будущее, которое описывает Блох в работе «Принцип надежды», не может быть артикулировано и являет себя исключительно в «еще-не» – движении в надежде на иное и лучшее состояние. Иное – это всегда отрицание настоящего, данного – «инвариант направления», то есть стремление к свободе, которое может подавляться, но всегда присутствует в историческом сознании²². Любое действие, в том числе и действие в рамках «инварианта направления», производится «вслепую», исключительно как отрицание противоречащей стремлению к свободе действительности. «Вслепую» – поскольку историческое событие сопровождается множеством контингентных факторов, что не позволяет предвидеть результата действия в момент его свершения. Будущее, таким образом, никогда не предстает в сознании в своей законченной форме, оно имманентно – в том смысле, что накладывает отпечаток на все совершенные в прошлом действия. В результате, по мысли Блоха, разрыв между тем, что возможно, и тем, что может стать возможным, заполняется не только памятью о незавершенном прошлом, но и устремленным в будущее воображением, которые сосуществуют во «тьме прожитого момента».

Применяя такую блохианскую оптику к концепции Беньямина, можно было бы утверждать, что отказ вспомнить незавершенное прошлое – когда оно являет себя в момент разрыва и замедления времени – и сделать шаг в сторону его искупления отдаляет нас от будущего, скрывает возможности, которые могли бы в нем открыться, но не исключает их совершенно. Однако Беньямин более категоричен. Он скорее описывает катастрофическое видение будущего: неспособность поймать подлинный образ конкретного прошлого, с которым связана современность, и тем самым «взорвать континуум истории», приводит к неизбежному поражению. Утопическая концепция Блоха наделяет будущее большим эмансипаторным потенциалом: во-первых, он оставляет возможность для непреднамеренного движения в сторону лучшего, подчеркивая контингентную природу времени; во-вторых, упущенные возможности

22 За подробным анализом концепции «инварианта направления» можно снова обратиться к Томпсону (Ibid).

не исчезают, но продолжают существовать в истории, находясь в состоянии латентности, и могут быть актуализированы позже.

Разницу между Блохом и Беньямином в этом контексте можно увидеть в том, какое значение они придают настоящему. Для Беньямина *Jetztzeit* («актуальное настоящее», «время-сейчас») напрямую связано с разрывом временного континуума и необходимостью революционного действия, оно становится центральным понятием его концепции. Блох же использует термин *Zeit* («актуальное настоящее», «теперь») в том же значении²³, однако революционную ставку делает не на него, а на будущее. Настоящее же – это «место» неистребимой надежды, в размышлениях о которой Блох опирается на теологию, комбинируя элементы лурианской каббалы с христианскими мотивами.

На примере этого религиозного «обращения» обоих мыслителей в поисках возможной альтернативы господствующему – прогрессистскому – темпоральному порядку хорошо видны близость и различие их подходов. Действительно, оба опираются на примерно одни и те же теологические источники²⁴, перепрочитывая мессианские тексты иудаизма и христианства («слабая мессианская сила» у Беньямина²⁵ и мессианская манифестация надежды, которая «освещает» настоящее, у Блоха – *Vorscheine*²⁶). Они оба секуляризуют мессианскую надежду, помещая ее в условия современности со всеми ее социокультурными детерминациями и противоречиями.

Однако Блох не находит в каббалистической традиции объяснения того, как надежда может присутствовать в «современном» в промежутках между *Vorscheine*, и заимствует механизмы удержания надежды у христианства. Блох включает божественное («идеалистические вечные истины») внутрь материального (внешних условий существования). Проявления божественного возможно рассмотреть исключительно в материальном: мессианские манифестации у Блоха не открывают возможности для революционного действия, как в *Jetztzeit*, но лишь «подсвечивают» надежду будто из глубины. Если единожды разглядеть надежду в материальном в момент *Augenblick*, то она не исчезнет, но продолжит быть видимой. Примечательно, что Беньямин критикует христологию Блоха именно за отсутствие различения между божественным и человеческим: мессианизм, по его мнению, не может восходить к исторической субъективности²⁷. Однако Блох находит в отсутствии такого

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

23 См.: Болдырев И. *Время утопии: проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха*. М.: Высшая школа экономики, 2012. С. 198.

24 Беньямин также испытал влияние лурианской каббалистической доктрины *Tikkun*: Lówy M., Turner C. *Fire Alarm: Reading Walter Benjamin's "On the Concept of History"*. London: Verso, 2016. P. 67.

25 Там же. С. 81.

26 Thompson P. *Religion, Utopia, and the Metaphysics of Contingency*. P. 90.

27 Болдырев И. *Указ. соч.* С. 198.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

разделения источник надежды, благодаря которому она постоянно присутствует в историческом сознании – в латентном или активном состоянии.

В обеих концепциях будущее открывается в моменты озарения, оно перформативно и являет само себя. Однако у Блоха революционное действие²⁸ открывает возможности для множественных будущих, а надежда и в случае неудачи сопротивления не исчезает, но продолжает существовать как потенция и как «инвариант направления». Томпсон называет это блохианской метафизикой контингентности, в которой наслаивание случайных событий порождает все больше возможностей²⁹. Сама утопия приобретает в данном случае процессуальный характер – Блох называет ее конкретной, используя гегелевское понимание конкретности, что значит, в процессе становления она являет собой большее, чем та сумма событий, которые ретроспективно являются ее частями³⁰.

ЭМАНСИПАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДУЩЕГО

Если последовать за Блохом и Беньямином, то можно говорить о несостоятельности попыток Артога или Гумбрехта редуцировать состояние времени к «тирании настоящего». Невнимание последних к концепции гетерогенного «актуального настоящего» Беньямина фактически приводит их к представлению доминирующего настоящего в качестве гомогенного – бесшовного³¹, поглощающего и прошлое и будущее. Включение концепций Блоха и Беньямина в дискурс о современном режиме историчности видится необходимым, так как обе открывают возможность помыслить будущее в сопротивлении настоящему. При этом чрезвычайно чуткая к контингентной природе времени теория утопической надежды Блоха представляется более перспективным направлением – она открывает историческое время для большего количества форм воплощения действия, множественных будущих.

Сегодня настоящее может мыслиться как непреодолимое не только вследствие того, что Блох называет объективными внешними условиями, но и в результате усилий Артога и его последователей. Представляя настоящее безальтернативным,

28 Блох видит чрезвычайно ценность в действии как таковом – именно в нем воплощается утопическое мышление. В конце «Принципа надежды» он пишет: «Корень истории – это работающий, созидающий человек, который изменяет и пересматривает данность. Как только он осознает себя и установит то, что принадлежит ему, без экспроприации и отчуждения, в настоящей демократии, в мире возникает нечто, [...] где еще никто не был: *Heimat*» (BLOCH E. *The Principle of Hope*. P. 1376).

29 ТНОМПСОН P. *Ernst Bloch, "Ungleichzeitigkeit", and the Philosophy of Being and Time*. P. 50.

30 ИДЕМ. *Religion, Utopia, and the Metaphysics of Contingency*. P. 83.

31 АРТОГ F. *Op. cit.* P. 200.

критики презентизма вносят свой вклад в его «расширение». Возвращение блохианской надежды в теорию истории способно поместить открытое будущее в центр размышлений о времени, наделить его эмансипаторным потенциалом. При этом современный режим историчности оказывается достаточно гибким для того, чтобы попробовать применить оптику, предложенную Блохом: он, в отличие от модерного, строится на восприятии времени как нелинейного и обратимого, терпимого к анахронизмам и сдвигам. Вопреки выводам Артога память не обязательно замещает собой прошлое. Она может напоминать нам о существовании «других историй», активизируя их в какой-то контингентный момент.

Блохианская концепция надежды предлагает подход к разрешению «кризиса будущего» без обращения к большим утопическим проектам или долгосрочным планам. Она лишь открывает возможность предвосхитить будущее через утопическое движение. Нарративы, включающие угрозу и риск в описание будущего, не обязательно приводят к усилению и расширению настоящего. У Блоха они скорее указывают на «не» – на то, от какого будущего нужно отказаться. Спекулятивный материализм Блоха предполагает конкретные возможности для совершения минимально возможного шага в сторону от того, что несут с собой угрозы. Именно поэтому блохианская идея «будущего-утопии» видится чрезвычайно продуктивной для области политических и общественных практик. В условиях, когда возникает запрос на идеологии, Блох предлагает посмотреть в радикально другую сторону и отказаться от идеологизации истории, обратившись взамен к конкретным (в гегелевском смысле) практикам отрицания настоящего.

Вопреки выводам Артога память не обязательно замещает собой прошлое. Она может напоминать нам о существовании «других историй», активизируя их в какой-то контингентный момент.

Политическое воплощение эмансипаторного потенциала будущего – мало исследованное на сегодняшний день поле. Среди редких примеров обращения к этой проблеме стоит выделить уже цитировавшийся выше сборник «Приватизация надежды», вышедший под редакцией Питера Томпсона и Славоя Жижека в 2013 году. Конкретные механизмы утопического воображения в нем иллюстрируются примерами новых рабочих движений, деятельности сетей и открытых сообществ³², а также при-

32 VIDAL F., SCHRÖTER W. *Can We Hope to Walk Tall in a Computerized World of Work?* // THOMPSON P., ŽIŽEK S. (Eds.). *Op. cit.* P. 297.

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

МАРИЯ КАСАЙ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ
БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
РЕЖИМЕ ИСТОРИЧНОСТИ?

мерами современных практик «ресистематизации городского социального пространства»³³. Вклад в развитие блохианской традиции вносит уже упоминавшийся в этой статье Жером Баше – анархистский теоретик и активный участник сапатистского движения в мексиканском штате Чьяпас. Баше выстраивает собственную концепцию множественных «конкретных утопий»³⁴, вдохновленную принципами организации сапатистского автономного самоуправления. Он заимствует процессуальную модель утопии Блоха, чтобы обосновать возможность существования некапиталистического будущего через необходимость активного и непрекращающегося сопротивления настоящему.

Примеры конкретных утопических практик сопротивления настоящему могут быть пока немногочисленны или иметь ограниченный успех на своем пути. Однако они показывают, что открытое будущее возможно не только помыслить, но и приблизить. И обратиться сегодня к Блоху и Беньямину – значит выбрать такое направление в теории истории, которое в силу чувствительности к неустойчивой и контингентной структуре времени противостоит идее о невозможности будущего в «современном режиме историчности». Вслед за Блохом можно рассматривать историю как конкретный процесс, в ходе которого постоянно возникают и переутверждаются возможности сопротивления уже сложившемуся порядку вещей. Блох предлагает радикальный отказ от материальных, социокультурных условий настоящего через непрекращающееся диалектическое движение.

33 ZIMMERMANN R.E. *Transforming Utopian into Metopian Systems: Bloch's Principle of Hope Revisited* // THOMPSON P., ŽIŽEK S. (Eds.). *Op. cit.* P. 257.

34 См.: BASCHET J. *Op. cit.* P. 197–200.